

УДК 94(5)

DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-29-55

Международные отношения цинского Китая после завоевания Синьцзяна: проблема идентификации владения Яливань из «Хуан Цин чжигун ту»

А. М. Пастухов, А. М. Лабарткава

*Новосибирский государственный университет,
Лаборатория гуманитарных исследований*

Аннотация

Статья рассматривает возможную идентификацию и локализацию «владения Яливань», упоминающегося в составе цинского источника второй половины XVIII в. «Хуан Цин чжигун ту» в качестве одного из даннических владений империи Цин. Впервые в отечественной историографии выдвигается и обосновывается гипотеза об отождествлении владения Яливань с Эриванским ханством, существовавшим на территории Закавказья в середине XVIII – начале XIX в. На основании текстового материала цинского источника и изображения жителей владения Яливань в национальных костюмах сделана реконструкция внешнего вида подданных этого ханства армянской национальности. В статье также выдвигаются предположения о возможных путях проникновения армян на территорию империи Цин на основании информации исторических источников о торговле армянских купцов в Индии и Юго-Восточной Азии, а также устанавливается возможное время первого непосредственного контакта между властями империи Цин и представителями армянского купечества из Эриванского ханства. Выявленный материал по ранним армяно-китайским контактам позволяет утверждать, что, несмотря на включение портретов жителей Эриванского ханства в состав такого памятника, как «Хуан Цин чжигун ту» (Изображения данников Августейшей Цин), речь идет не о реальном вассалитете Эриванского ханства от империи Цин, а лишь о периодических торговых контактах между империей Цин и представителями армянского купечества из Эриванского ханства, пользовавшихся поддержкой династии каджарского происхождения, правившей в тот момент в Эривани.

Ключевые слова

владение Яливань, империя Цин, армяне, Эриванское ханство, «Хуан Цин чжигун ту», торговля, Синьцзян, данники, Кашгар, Яркенд, Гуанчжоу.

Благодарности

Исследование проведено в рамках Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Пастухов А. М., Лабарткава А. М. Международные отношения цинского Китая после завоевания Синьцзяна: проблема идентификации владения Яливань из «Хуан Цин чжигун ту» // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. С. 29–55
DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-29-55

International relations of Qing China after conquest of Xinjiang – problem of identifying of Yaliwan-guo from «Huang Qing zhigong tu»

A. M. Pastukhov, A. M. Labartkava

*Novosibirsk State University,
Laboratory of Humanitarian Researches*

Abstract

The article deals with the possible identification and localization of the “Yaliwan state” mentioned in the text of Qing historical source “Huang Qing zhigong tu” dated by the second half of the 18th century among the tributary states of Qing empire. The hypothesis of the identification of the Yaliwan state with the Erevan Khanate, which existed on the territory of Transcaucasia in the middle of the 18th – early 19th centuries is put forward and founded at the first time in Russian historiography. The reconstruction of the appearance of the inhabitants of this khanate of Armenian nationality was made basing on the text of the Qing source and the image of the inhabitants of the Yaliwan state in national costumes. The assumptions about possible ways of penetration of Armenians into the territory of the Qing empire based on information from historical sources about the trade of Armenian merchants in India and Southeast Asia is made in the article, and also the possible time of the first direct contact between the authorities of the Qing empire and representatives of the Armenian merchants from the Erevan Khanate is suggested in the article. The material revealed on early Armenian-Chinese contacts allows to assert that, despite the inclusion of portraits of the inhabitants of the Erevan Khanate in the text of such a source as “Huang Qing zhigong tu” (Portraits of Tributaries of the August Qing), it doesn't evidence the real vassalage of the Erevan Khanate from the Qing Empire, but it only tells about periodic trade contacts between the Qing empire and representatives of the Armenian merchants from the Erevan Khanate, who enjoyed the support of the dynasty of Qajar origin, which ruled in Yerevan at that time.

Keywords

Yaliwan-guo, Qing empire, Armenians, Erevan khanate, “Huang Qing zhigong tu”, trade, Xinjiang, tributary, Kashgar, Yarkend, Guangzhou.

Funding

The reported study was funded by state assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. FSUS-2020-0021.

For citation

Pastukhov A. M., Labartkava A. M. International relations of Qing China after conquest of Xinjiang – problem of identifying of Yaliwan-guo from «Huang Qing zhigong tu» // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. P. 29–55.
DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-29-55

Введение

В 1750-х гг. в Китае, находившемся под властью маньчжурской династии Цин, по повелению императора Хунли¹ началось создание иллюстрированного свода этнографического характера «Хуан Цин чжигун ту» (皇清職貢圖), призванного зафиксировать внешний облик всех данников Цинской империи – реальных и мнимых².

Приказ зарисовывать прибывающих «данников» поступил всем провинциальным властям в 1751 г. В результате многолетней работы комиссии под руководством государственного канцлера Фухэна (傅恒, 1720–1770) к 1759 г. был создан первоначальный вариант вышеупомянутого свода, содержащий серию весьма интересных для современных исследователей иллюстраций, зафиксировавших внешний облик представителей разных народов, в том числе и тех, которые не могут быть надежно идентифицированы в настоящее время. Между 1763 и 1765 гг. свод получил более или менее завершённую форму, а после прибытия в Джунгарию в 1771 г. калмыков-торгоутов, откочевавших со своих волжских кочевий, был составлен последний, девятый по счёту *цзюань* этого уникального сочинения³.

Среди цветных парных иллюстраций, выполненных рядом лучших живописцев Китая, работавших в смешанной европейско-китай-

¹ Правил под девизом Цяньлун (乾隆) в 1735–1796 гг.

² Синоцентрическое мировоззрение допускало существование «единственной правильной» модели миропорядка – Китай являлся центром Вселенной, а все остальные народы были обязаны подчиняться китайскому императору. Внешне выражение подчинения заключалось в принятии китайского календаря и поднесении дани китайскому императору в соответствии с детально разработанным ритуалом. Поэтому прибытие в Китай представителей любого народа расценивалось как прибытие очередных данников, независимо от того, какое положение занимал этот народ на международной арене.

³ Свод имел несколько вариантов издания – живописный альбом, иллюстрация из которого использована для целей настоящей статьи, живописные свитки кисти цинского художника второй половины XVIII в. Се Суя (謝遂) и ксилографическое издание из девяти *цзюаней*. Последние изображения для свода были созданы после установления отношений с Непалом, произошедшими на рубеже 1790-х гг.

ской манере, имеется одна, озаглавленная как «Варвар из владения Яливань» (亞利晚國夷人).

Поскольку иллюстрация парная, то имеется также и вторая иллюстрация, озаглавленная как «Женщина из варваров владения Яливань» (亞利晚國夷婦). Первая иллюстрация сопровождается лаконичным текстом, сообщающим необходимые, на взгляд составителей свода, сведения об этом «данническом владении»:

亞利晚國在西洋，與回回國相近。天氣溫和，風俗淳厚。夷人戴八角帽，著長衣，采色相間，文如柳條，窄袖束腰，躡革履。夷婦披髮不笄，以青帕蒙首及背，領飾金銀，著長衣，常持盃器，善事女工。

«Владение Я-ли-вань располагается на западе, поблизости от мусульманских владений. Климат теплый и благоприятный (умеренный), обычаи любезные. Варвары мужчины носят на голове шапку о восьми концах, длинные пестрые халаты, узоры [на которых] похожи на ветки ивы, рукава узкие, подпоясываются. На ногах носят кожаную обувь. Женщины этих варваров ходят с распущенными волосами, без шпилек, синим платком покрывают голову и спину, шею украшают золотом и серебром, носят длинное платье, обычно держат в руках рукомойник, искусны в женских рукоделиях».

Помимо «Хуан Цин чжигун ту» изображение человека в характерном головном уборе и пестром полосатом халате встречается и на картине «Мириад владений прибыл ко двору» (萬國來朝圖), созданной в 1761 г.

Искусствоведы давно отметили прямую зависимость этой картины от изображений и текста «Хуан Цин чжигун ту», поэтому данный иконографический источник представляет собой интерес только как осмысление цинскими художниками процесса аудиенции – каждая делегация стоит под значком в виде флага, на котором обозначено название их страны, при этом женщины отсутствуют.

Помимо хорошо узнаваемого персонажа в полосатом халате из «Хуан Цин чжигун ту» около него стоят еще двое в аналогичных головных уборах, но однотонных серых халатах схожего покроя. Один из них держит в руках флаг с надписью «владение Яливань».

В настоящий момент в России предпринимаются попытки каким-то образом ввести в научный оборот этнографические и исторические данные, содержащиеся в «Хуан Цин чжигун ту», однако в статьях специального раздела «Китайский историко-этнографический памятник “Изображения данников правящей династии Цин” (“Хуан Цин чжигун ту”) и его значение в изучении представлений китайцев о других странах и народах в середине XVIII в.», опублико-

Рис. 1. «Варвар из владения Яливань [и] женщина варваров из владения Яливань», парная иллюстрация из живописного альбома «Хуан Цин чжигун ту», конец XVIII в.

ванных во втором томе материалов XXX Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, посвященного 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930), проходившему в Санкт-Петербурге 19–21 июня 2019 г., отечественные исследователи рассматривают только концептуальные основы данного памятника, а в отношении идентификации владения Яливань М. В. Черевко указывает, что Яливань – это Ява, никак не поясняя своих аргументов в пользу такого отождествления⁴. Далее он упоминает, что «часть упомянутых в «Чжи гун ту» государств в будущем перестали существовать (Яливань)»⁵, не приводя каких-либо подтверждений этому заявлению.

В опубликованных в Казани в 2019 г. статьях Н. А. Сомкиной, посвященной рассмотрению данных цз. 2 и 7 «Хуан Цин чжигун ту» рассматриваются только представители населения Тибета и Синьцзяна⁶, не касаясь интересующего нас владения Я-ли-вань вообще.

⁴ См. Черевко М. В. Характер сведений о народах Юго-Восточной Азии в цинском альбоме «Хуан Цин чжигун ту» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). 19–21 июня 2019 г.: материалы конгресса: в 2 т. СПб.: Студия «НП-Принт», 2019. Т. 2. С. 123.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ См. Сомкина Н. А. «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке, цз. II //

В зарубежной историографии наблюдается несколько большее разнообразие мнений по данному поводу. Так, в современном издании «Хуан Цин чжигун ту» в примечании к этому тексту китайский историк, скрывшийся под псевдонимом Ло Шань (羅山), невразумительно говорит лишь то, что «Яливань – это, возможно, является транскрипцией «я-ли-ань» (т.е. арийцы. –*Авт.*), что является общепринятым названием ряда народов в Западной Азии»⁷.

Голландский историк Ганс Лейх из Лейденского университета отмечает, что «в изданном виде [Хуан Цин чжигун ту] состоит из 9 свитков, первый из которых начинается с корейцев и заканчивается людьми из [владения] Яливань, страны, которую сложно точно идентифицировать»⁸.

В целом, на первый взгляд, положение кажется таким же неопределенным, что и в отечественной историографии. Тем не менее, зарубежными учеными высказывались и вполне обоснованные предположения о том, чем может оказаться владение Яливань.

Американский историк китайского происхождения Си Ян (Xi Yang, University of California) высказал предположение, что Яливань является искаженной транскрипцией слова Arman, что, по его мнению, позволяет определить владение Яливань как Армению, а изображенных на иллюстрациях «Хуан Цин чжигун ту» людей – как армян⁹.

Однако далее в своей статье он указывает на то, что не смог собрать достаточного количества доказательств, чтобы полностью подтвердить национальную принадлежность выходцев из владения Яливань¹⁰. Поэтому он остановился на мнении, что «китайское название Яливань, очень вероятно, относилось к Армении или армянам»¹¹.

В то же самое время несомненное фонетическое сходство названия владения Яливань с названием столицы Армении – городом Ереван – вызвало остроумную догадку у Ульриха Теобальда (Ulrich Theobald,

Современные востоковедческие исследования. Казань, 2019. Т. 1. №4. С. 85–107; Она же. «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») как источник сведений о Тибете в XVIII веке // Россия – Китай: История и культура: Сб. ст. и докл. участников XII Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2019. С. 450–459.

⁷ 注: 亞利晚可能系“雅利安”音譯, 是對西亞一帶若干民族的統稱. См. Ваньго лэйчао: «Чжигун ту» лиды гудай Чжунго юй шицзе. Бэйцзин: Бэйцзин шидай хуавэнь шуцзюй, 2019. С. 132.

⁸ See Leijh H. The Qing and their tributaries Qing perceptions of European and Steppe-peoples. Leiden University, 2019. P. 21.

⁹ See Xi Yang. Some possible Chinese records about Armenia and the Armenians in Mid-Qing Dynasty // Iran and the Caucasus. 2009. Vol. 13. P. 231.

¹⁰ Ibid. P. 232.

¹¹ Ibid. P. 232.

Рис. 2. Представители владения Яливань ожидают аудиенции у императора Цяньлуна в первый день Нового Года вместе с другими данниками. Фрагмент картины «Мириад владений прибыл ко двору», 1761 г., собрание музеев Гутун, Пекин, инв. № 故00006273

Tubingen University)¹² и Джеймса Рассела (James Russel, Harvard University)¹³, что под таинственным владением Яливань следует понимать именно Ереван, однако каких-либо доказательств своего предположения они не высказали, поскольку это не входило в их задачи.

¹² See <http://www.chinaknowledge.de/Literature/Science/huangqingzhigongtu.html> Электронная энциклопедия. Дата обращения 20.12.2024.

¹³ See Xi Yang Some possible Chinese records about Armenia and the Armenians in Mid-Qing Dynasty // Iran and the Caucasus. 2009. Vol. 13. P. 232.

К тому же определенную сложность для исследователей в правильной идентификации Яливань представляет собой его определение не как города или народа, а как владения.

По нашему мнению, высказанные У. Теобальдом, Дж. Расселом и Си Яном точки зрения являются заслуживающими внимания и задают общее направление поиска. Однако для того, чтобы окончательно разобраться с вопросом относительно атрибуции владения Яливань, следует обратиться как к истории, так и этнографии Армении и Ирана – следует не только найти эквивалент этого владения в политической номенклатуре стран мусульманского Востока, но и убедительно продемонстрировать тот факт, что на иллюстрациях изображены именно армяне, а не какой-либо другой азиатский народ.

Указание источника на то, что Яливань является владением (國)¹⁴, а не городом и не является названием народа, дает ключевую подсказку: на момент знакомства китайцев с выходцами из Яливань оно представляло собой некое владение далеко на западе, рядом с мусульманскими странами.

Действительно, в период 1751–1759 гг., когда шла работа над созданием первоначального комплекта иллюстраций и текстов для свода «Хуан Цин чжигун ту», на западе земель, входивших в некогда могущественную державу Сефевидов, возникло Эриванское ханство (1755–1828)¹⁵.

Это полунезависимое владение находилось в Араратской долине к югу, юго-западу и западу от оз. Севан (Гокча) на землях бывшего сефевидского *вилаята*¹⁶ Чухур-Сад. К середине XVIII в. Эриванское ханство представляло собой небольшое феодальное государство, признававшее сюзеренитет персидских шахов из династии Афшаридов, и располагало всеми необходимыми атрибутами феодального владения: собственным правителем (Хасан Али-хан Каджар), носившим ханский титул, столицей с резиденцией правителя (Эривань),

¹⁴ Иероглиф 國 может переводиться как «государство, страна, владение». В данном случае, по нашему мнению, наиболее уместен его перевод как «владение», поскольку полноценным государством, с точки зрения китайцев XVIII века, мог быть только Китай, а понятия «страна» и «государство» не тождественны друг другу – «страна» является более географическим, нежели политическим понятием, в противоположность «государству». При использовании термина «владение» мы обходим данную коллизию и, по нашему мнению, наиболее точно передаем суть данного словосочетания на китайском языке.

¹⁵ В связи с длительным процессом тюркизации населения региона и выселением основной массы армянского населения в начале XVII в. в контексте данной статьи более уместно использовать для наименования ханства не современное название города Ереван, а его тюркоязычный вариант произношения – Эривань или Иреван.

¹⁶ Провинция.

Рис. 3. Карта военных действий в Закавказском крае с 1809 по 1817 год. Воспр. по: Аносов Н. С. «Время Тормасова, Паулучи и Ртищева. 1809–1817 годы». Показано место расположение Эриванского ханства в системе ханств, образовавшихся на развалинах Сефевидского Ирана

знаменем, печатью, правительством (диван), войском и собственной монетой¹⁷. Наличие собственных атрибутов государственной власти позволяет с полным основанием утверждать, что Эривань – это феодалное владение, имевшее определенную степень независимости на международной арене в середине XVIII в. и граничившее с рядом мусульманских государственных образований – Турцией, Ираном и т. д.

Эти сведения о местонахождении Эриванского ханства коррелируют с указанием источника о том, что владение Яливань «располагается на западе, поблизости от мусульманских владений».

Вполне соответствует географическим реалиям Эриванского ханства и следующее утверждение источника: «Климат теплый и благоприятный (умеренный)».

Довольно точно описываются и традиции населения ханства – в «Хуан Цин чжигун ту» упоминается, что у населения владения

¹⁷ См. Гезалов П. Штандарт Гусейн-хана Иреванского и четырехугольное знамя Иреванского ханства // Геральдика. 2011. № 6 (54). С. 28–29.

Яливань «обычай любезные», а женщины «искусны в женских рукоделиях». Вежливое обхождение с гостями и мастерство местных рукодельниц – общее место в европейских описаниях путешествий по Закавказью в XVIII–XIX вв.

К середине XVIII в. эти земли были населены преимущественно тюркоязычным кочевым населением, однако сохранялась и довольно значительное количество нетюркских групп населения – курдов (в основном кочевников) и армян (в основном городских жителей).

С 1604 г. из окрестностей Эривани было выселено большинство армянского населения. Персидский шах Аббас I (1587–1629) стремился усилить обороноспособность этого важного приграничного региона и раздал земли вокруг Эривани представителям различных туркменских племен, обязанным за это нести военную службу. Главой *вилайета* был назначен *беглербег*¹⁸ Амиргюнэ-хан (1604–1628) из кочевого туркменского племени *каджар*. Установление твердой власти в регионе способствовало постепенному возвращению в край армян, выселенных отсюда в ходе войн между Ираном и Турцией.

Начиная с правления Амиргюнэ-хана у власти в Эривани находились выходцы из племени *каджар*, связанные узами кровного родства с Амиргюнэ-ханом. Фактически должность *беглербега* стала в Эривани наследственной.

В начале XVIII в., с ослаблением власти Сефевидов, земли *вилайета* вновь стали ареной вооруженного противоборства Османской империи с Персией. До 1735 г. эта территория была оккупирована турецкими войсками, которые были выбиты оттуда лишь после того, как в Иране утвердился в качестве верховного правителя талантливый военачальник Надир Кули-хан из туркменского племени *афшар*.

После гибели 19 июня 1747 г. Надир-шаха Афшара (1736–1747) Иран вновь оказался ввергнут в состояние войны «всех против всех». В 1755 г. Хасан Али-хан (? – 1759) из клана Зийадлу племени *каджар* захватил власть в Эривани и провозгласил себя ханом. С этого момента Эривань стала центром самостоятельного ханства, управлявшегося представителями династии Каджар и просуществовавшего до самого его включения в состав Российской империи 10 февраля 1828 г. в соответствии с условиями Туркманчайского мирного договора.

В период существования фактически независимого Эриванского ханства¹⁹ армянские купцы, пользовавшиеся покровительством эри-

¹⁸ Букв. «бек над беками» – наместник, подчиняющийся напрямую монарху.

¹⁹ Несмотря на формальное признание сюзеренитета шахов Афшарской династии, эриванские Каджары вели самостоятельную внешнюю политику и вступали

ванских ханов, преследовавших собственные фискальные цели, даже получили возможность расширить ареал своей деятельности.

Известно, что в Новое Время армянские купцы активно торговали в большинстве азиатских стран. В Иране, Афганистане, Индии, странах Юго-Восточной Азии имелись значительные армянские колонии.

Однако при этом армянская торговля с Китаем до XVIII в. практически отсутствовала по ряду причин – в немалой степени этому способствовал тот факт, что между мусульманскими странами Малой Азии, на окраине которых располагалось Эриванское ханство, и Китаем до конца 1750-х годов лежали территории, населенные кочевниками, неподконтрольными цинским императорами.

Монголоязычные ойраты создали на этих землях Джунгарское государство, образно именуемое в отечественной историографии «последней кочевой империей». Сильная Джунгария вела агрессивные войны на всех направлениях, находясь в состоянии перманентного конфликта разной степени интенсивности со всеми своими соседями – казахскими Жузами, Кокандским бекством²⁰, горными владениями Памира²¹, ханством ойратов-хошоутов в Тибете, Россией и своим наиболее опасным, главным противником – империей Цин.

В 1755–1758 гг. цинские войска, воспользовавшись удачно сложившейся внутривосточной ситуацией в Джунгарии, сумели покорить это государство, истребив значительную часть его населения. В течение 1758–1759 гг. Цины покорили также зависевший от Джунгарии Восточный Туркестан, населенный оседлыми и кочевыми тюркоязычными народами – главным образом «мусульманами» (т. е. предками современных уйгуров) и киргизами²².

в различные союзы и коалиции, в том числе с правителями христианского Картли-Кахетинского царства. Такая небывалая для небольшого владения самостоятельность была вызвана серьезными внутривосточными проблемами в самом Иране, где за власть боролись между собой Афшары, Зенды и иранские Каджары.

²⁰ Кокандское бекство являлось очередным объектом завоевательных стремлений джунгарских *хунтайджи* после казахских и киргизских кочевий. С начала 1740-х годов столкновения между джунгарами и кокандцами стали особенно ожесточенными. Противостояние постепенно сошло на нет только к началу 1750-х гг., когда Джунгария вступила в полосу системного кризиса и сама стала объектом агрессивных посягательств со стороны соседей.

²¹ Согласно сочинению муллы Санг Мухаммада «Тарих-и Бадахшан», в 1718–1745 гг. джунгары совершили три похода в Бадахшан. Однако естественно-географические условия Памира слишком сложны для перехода многотысячного отряда войск с большим количеством верховых и вьючных животных. Поэтому сообщение Санг Мухаммада требует дополнительной проверки.

²² Мусульманское оседлое тюркоязычное население Восточного Туркестана именуется в цинских документах как *хуйцзы* (回子), т. е. «мусульмане» или *хуйцзу* (回族), т. е. «мусульманский народ». Сами себя местные жители называли по оазисам,

На вновь завоеванных землях в 1760 г. было создано цинское наместничество Синьцзян, в городах размещены цинские гарнизоны, а администрация сформирована из маньчжурских и китайских сановников, присланных из метрополии, и местных феодалов, поддержавших завоевателей.

Установив свою власть в регионе, Цины предприняли ряд мер для активизации внешней торговли, поскольку остро нуждались в снабжении своих войск всеми необходимыми товарами и продовольствием – подвоз предметов снабжения и провианта из собственно Китая был долог и сложен, и поэтому цинская администрация искала все возможные способы обойтись в этом вопросе местными ресурсами²³.

В частности, в Восточном Туркестане было разрешено торговать купцам из мусульманских владений, которые «покорились» Цинам, формально признав свою зависимость от императора Хунли и направив к его двору свои посольства с подарками, именовавшимися в официальных цинских документах данью.

После того как представители новых «данников» получали аудиенцию у императора, им открывался доступ к рынку Восточного Туркестана.

Многие народы, проживавшие западнее Кокандского бекства, также стремились установить выгодную торговлю с Китаем, но это не всегда удавалось сделать – так, если правитель независимого Ташкентского владения сумел стать «данником» Цинов, то правителям других владений это было сделать затруднительно по целому ряду причин, включая географическую отдаленность их стран от Китая и нестабильную политическую обстановку в странах, лежавших на возможных путях следования их посольств в Китай.

Среднеазиатские «данники» Китая получили уникальную возможность извлечь выгоду из сложившейся ситуации: владея монополией на торговлю с Поднебесной, они за определенную плату включали в состав своих караванов купцов из других владений, выдавая их за своих подданных, а их товары – за свои.

в котором проживали – хотанлыки (из Хотана), кашгарлыки (их Кашгара), яркендлыки (из Яркенда) и т.д. Современное название «уйгур» было принято на съезде в Ташкенте в 1921 г. той группой восточнотуркестанских мусульман, которая переселилась в пределы Российской империи в 1877–1882 гг., и в 1933 г. – населением Восточного Туркестана в ходе восстания против китайских властей в Синьцзяне.

²³ Более подробно о торговле среднеазиатских и казахских купцов с Цинами см. Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М.: Наука, 1973.

Понимая, что не все чисто в приграничной торговле, император Хунли, человек талантливый и не лишенный здорового интереса к окружающему миру, распорядился выяснять, откуда прибывают в Китай те или иные иностранцы, расспрашивать их об их странах, записывать их рассказы и обязательно зарисовывать внешний вид иностранцев, чтобы в будущем приграничным властям было легче принимать решение в той или иной ситуации, связанной с деятельностью иностранных торговцев.

Торговля между Восточным Туркестаном и сопредельными владениями Средней Азии, а также мелкими памирскими и гиндукушскими феодалными государствами (Шутнан, Хунза, Бадахшан и т.д.) возобновилась очень быстро. Караваны прибывали в Яркенд, где их встречали цинские чиновники от Лифаньюань²⁴, производившие опрос приезжих на предмет установления легитимности их участия в торговле. Гарантацией легитимности являлись грамоты от правителей, признавших свой вассалитет (реальный или мнимый) от империи Цин, составлявшиеся по определенной форме. К торговле допускались только те купцы, которые прибывали с такими караванами, и за принадлежность которых к каравану ручался *караван-баши*, являвшийся фактически представителем пославшего его правителя.

Известно, что Китай привлекал интерес армянских купцов еще с XVII в. В 1688 г. в Калькутте было заключено соглашение между английской Ост-Индской компанией и представителем местной армянской общины – уроженцем Джульфы Хаджи Фанус Календером, согласно которому армяне получали право присоединяться в своих коммерческих предприятиях к кораблям Ост-Индской компании и торговать вместе с англичанами в тех местах, куда прибудут корабли компании, включая Китай²⁵. При этом сама Ост-Индская компания получила право на торговлю в Китае (Гуанчжоу, Сямэнь, острова Чжоушань) только в 1676 г.²⁶

Возникает вопрос – как и где был зафиксирован китайскими чиновниками армянский торговец из Эриванского ханства, носивший

²⁴ В русских исторических документах – Палата / Трибунал Внешних Сношений или Монгольский Трибунал. Лифаньюань (理藩院) исполнял роль министерства иностранных дел в Цинском Китае до 1861 г., а также ведал сношениями с вассальными владениями (Кореей, Вьетнамом, Монголией, Тибетом и т.д.).

²⁵ See Seth M. History of the Armenians in India. Calcutta, 1895. P. 48–49.

²⁶ See East India Company Factory Records: Sources from the British Library, London. Режим доступа: http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/east_india_company_factory_records_parts_1_and_2/Publishers-Note-Part-2.aspx (дата обращения 24.01.2021).

характерный армянский костюм? В Гуанчжоу, Кашгаре или Яркенде? ²⁷

О том, что в XVIII в. армяне периодически появлялись в Гуанчжоу (Кантоне) и даже жили на территории, где размещались английские купцы, хорошо известно из записок представителей разных европейских стран, побывавших по разным делам в Гуанчжоу ²⁸. Однако, по всей видимости, работая вместе с англичанами, они не носили характерного для армян костюма, а европеоидный фенотип позволял им «не выделяться» на фоне других европейцев (естественно, исключительно в глазах китайцев, плохо различавших европейцев в лицо).

Представляется более вероятным, что армянский купец в характерном костюме прибыл в Яркенд или Кашгар, бывшие центрами торговли с мусульманскими странами, с одним из первых посольств от мусульманских владений юго-запада в период между 1760 и 1765 гг. Не исключено также, что он присоединился к посольству одного из таких владений, как Коканд, Бадахшан, Хунза или даже Афганистан, чтобы быть допущенным в Китай и получить разрешение на торговлю ²⁹.

Очевидно, что своим необычным внешним видом армянин привлек к себе внимание цинских чиновников при досмотре каравана и при опросе назвалсЯ выходцем из «владения Яливань», в котором можно угадать город Эривань, чье название неминуемо было искажено в китайской иероглифической транскрипции, поскольку в китайском языке не существует звука «р» и его заменяют слогами, начинающимися на «л», или слогом «эр».

Достаточно точная передача китайским художником деталей армянского мужского костюма XVII–XVIII вв. позволяет предположить, что зарисовки были сделаны с натуры, а гораздо меньшее сходство женского костюма из «Хуан Цин чжигун ту» с костюмами,

²⁷ Через Гуанчжоу в Китай прибывали иностранные купцы, торговавшие по морю, через Кашгар – шедшие со стороны Коканда, через Яркенд – шедшие по древней трассе Великого Шелкового Пути, из Индии и Афганистана.

²⁸ Так, в 1722 г. в Гуанчжоу, помимо нескольких кораблей Ост-Индской компании, шедших под английскими флагами, прибыл также корабль под «армянским флагом». Что такое «армянский флаг», исследователи затрудняются сказать. Составитель пятитомной истории Ост-Индской компании Х. Б. Морзе предположил, что над кораблем был поднят какой-то фамильный знак армянского купца, нанявшего корабль. See *Morse H. B. The chronicles of the East India company, trading to China 1635–1834.* Oxford, 1926. Vol. 1. P. 174.

²⁹ Женщины, как правило, не включались в состав караванов. В Гуанчжоу с определенного момента армяне проживали в течение довольно длительного времени вместе с семьями.

Рис. 4. Армянские купцы в полосатых халатах.
Фрагмент картины И. Лингельбаха
«Площадь Дамбы со строящейся новой ратушей, вид на север», 1656,
собрание Амстердамского исторического музея, инв. № SA 3044

запечатлевшими армянок XVII–XVIII вв., скорее всего, объясняется тем, что женский костюм рисовали со слов купца.

Для того чтобы продемонстрировать соответствие одежды «варваров» из владения Яливань армянским костюмам XVII–XVIII вв., костюмный комплекс армян середины XVIII в. был графически реконструирован А. М. Лабарткава на основе иконографических источников конца XVII – середины XVIII вв., изображающих армян, проживавших в Иране и Индии, с учетом особенностей иллюстраций «Хуан Цин чжигун ту».

Изображенный на иллюстрации из «Хуан Цин чжигун ту» мужчина одет в цветной полосатый халат³⁰ с поясом, на ногах носит башмаки европейского типа с пряжками. Изображение халатов такого

³⁰ Подобная расцветка верхней одежды появилась не позднее XVII в. и стала традиционной для армян в XIX–XX вв., что подтверждается обширным этнографическим материалом.

Рис. 5. Слева – фрагмент портрета Надир-шаха Афшара в *кулох-и надири* кисти Мохаммад Резы Хенди, ок. 1740 г.

Собрание Музея Виктории и Альберта, инв. № IM.20-1919.

Справа – портрет Шаамира Султанум Шаамиряна (1723–1798) кисти неизвестного художника

типа на армянских купцах встречается уже на картине голландского живописца Иоганна Лингельбаха (Johannes Lingelbach, 1622–1674) «Площадь Дамбы со строящейся новой ратушей, вид на север» (De Dam te Amsterdam met het nieuwe Stadhuis in aanbouw, gezien naar het noorden), далее они фиксируются на изображениях персидских армян, сделанных в начале XVIII в. в Стамбуле франко-фламандским художником Жаном-Батистом Ван Муром (Jean Baptiste Vanmour, 1671–1737). Таким образом, к моменту издания «Хуан Цин чжигун ту» традиция ношения армянами характерных полосатых халатов уже вполне сложилась.

Голова «варвара из владения Яливань» покрыта шапкой черного цвета, напоминающий головной убор *кулох-и надири* (букв. «венец Надира») времён правления персидского Надир-шаха Афшара (1733–1747), но, в отличие от последнего, с развитыми подвернутыми вверх раздвоенными полями.

Головной убор такого типа можно найти на некоторых европейских изображениях армян, в частности на портретах выходцев из Новой Джульфы – армянского просветителя Шаамира Султанум Шаамиряна (1723–1798), проживавшего в Калькутте, и Ходжи Петроса

Рис. 6. Портрет Хаджи Петроса Воскан-Велиджанянца кисти неизвестного художника. Мадрас, 1737 г. Собрание музея собора Святого Христа Всеспасителя (Ванкский монастырь), Исфахан, Иран

Рис. 7. Армянки из Новой Джульфы. Конец XVII в. Собрание Музея Исламского Искусства, Доха, Катар

Рис. 8. А. М. Лабарткава. Графическая реконструкция одежды армян – представителей Эриванского ханства

Воскан-Велиджанянца (1680–1751), богатого купца, торговавшего со странами Юго-Восточной Азии из Мадраса, который одет в синий одноцветный халат такого же покроя, что у и нашего персонажа. Кроме того, на портрете Хаджи Петроса Воскан-Велиджанянца изображены и кожаные башмаки европейского типа с пряжками.

Женщина одета в верхнюю распашную плечевую одежду с рукавами типа халата, осевой разрез которой застегивается на пуговицы-узелки на груди, длинную нижнюю рубаху, называемую *халав*, и шаровары. Голова повязана платком, на лбу – лента-монисто. Обувь кожаная, без каблука.

Верхняя одежда подпоясана женским поясом *кямар*. В соответствии с исходным изображением «Хуан Цин чжигун ту», она держит в руках полотенце и рукомойник в виде чаши/тазика с водой.

Упоминание источника о том, что женщины обычно имеют при себе рукомойник, можно толковать двояко – с одной стороны, могло подчеркиваться поведение женщин «по ритуалу», их готовность всегда услужить мужу ³¹, с другой стороны – это может быть творчески переосмысленная цинским живописцем информация об армянском народном празднике Вардавар («праздник роз»), во время которого принято обливать друг друга водой.

Таким образом, найдя соответствие в политической номенклатуре стран мусульманского Востока середины XVIII в. и проведя тщательную графическую реконструкцию изображений из «Хуан Цин чжигун ту», по нашему мнению, авторам данной статьи удалось доказать идентификацию данных изображений как портретов представителей армянского населения Эриванского ханства.

Результаты проведенного исследования позволяют подтвердить факты сношений армянских купцов с цинским Китаем не только через Гуанчжоу, но и через города Синьцзяна, а также установить, что, помимо представителей армянских общин из Индии и Ирана, в торговле с Китаем принимали участие и армяне из Эриванского ханства.

Дальнейшие исследования в данном направлении могут пролить свет на конкретные детали посещений армянами открытых для иностранных торговцев городов Китая, тем самым давая более полное представление об уровне международных контактов Китая в XVIII в. и роли, которую играли в нем представители армянского народа.

Материал поступил в редколлегию

Received

19.09.2024

³¹ Так, в Китае про образ поведения женщины в отношении своего мужа говорили «служить с совком и метелкой». См. Лисевич И.С., Лю Сян. *Жизнеописания знаменитых женщин // Проблемы Дальнего Востока. № 6. М., 1990. С. 151.*

Список литературы

Арутюнян Б. А. Из истории армяно-китайских отношений. Режим доступа: http://www.armin.am/images/menus/2389/Babken_Harutyunyan_Arm_Kitay.pdf (дата обращения 24.01.2021).

Ваньго лайчао: «Чжигун ту» лиды гудай Чжунго юй шицзе (万国来朝: 职贡图 里的 古代 中国 与 世界 «Мириад владений прибыл ко двору»: из «Изображения данников» старого Китая и мира), Бэйцзин: Бэйцзин шидай хуавэнь шуцзюй (北京: 北京时代华文书局), 2019. (на кит. яз.).

Гезалов П. Штандарт Гусейн-хана Иреванского и четырехугольное знамя Иреванского ханства // Гербовед. 2011. № 6 (54). С. 28–29.

Гини Р. Путешествие в Китай Бенито де Гоиша и Исаака Армянина // Вестник арменоведения. № 2 (8). Ереван, 2015. С. 196–227.

Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М.: Наука, 1973. 182 с.

Линь Цилин (林頌玲) Шибин юй шэнму – Цингун «Чжигун ту» со чэнсянь чжи Сиян иньсян (士兵與聖母 – 清宮《職貢圖》所呈現之西洋印象 Воины и святые – изображения европейцев по «Чжигун ту» из цинских дворцов) // Исследовательский институт изящных искусств Тайбэйского государственного института живописи (國立臺北藝術大學美術研究所), Тайбэй (臺北), вып. 24, раздел «Ии фэньцзы» (Обсуждение искусства 議藝份子). С. 23–50 (на китайском).

Лисевич И. С. Предисл. и коммент.: Лю Сян. Жизнеописание знаменитых женщин. Фрагменты. Пер. с др.-кит. Б. Л. Рифтина // Проблемы Дальнего Востока. М., 1990. № 6. С. 150–167.

Маяцкий Д. И. Традиционализм и новаторство: ксилографический памятник «Хуан цин чжи гун ту» и его место в серии китайских альбомов, посвященных «данникам» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 111–114.

Миронова Т. С. Специфика антропологического и этнографического содержания китайского ксилографического альбома «Изображения данников правящей династии Цин» (XVIII в.) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 114–116.

Налбандян А. В. История армянской диаспоры в Китае // Молодая Наука, Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. ун-та, 2016. Ч. 18. С. 146–148.

Самойлов Н. А. Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системы в эпоху Цин // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 116–117.

Самойлов Н. А., Маяцкий Д. И. Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин»: предыстория создания и социокультурное значение // Научный диалог. № 9. Екатеринбург: ООО «Центр научных и образовательных проектов», 2019. С. 437–455.

Сомкина Н. А. «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») как источник сведений о Тибете в XVIII веке // Россия – Китай: История и культура: Сб. ст. и докл. участников XII Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2019. С. 450–459.

Сомкина Н. А. «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке, цз. II // Современные востоковедческие исследования. Казань, 2019. Т. 1. № 4. С. 85–107.

Сомкина Н. А. «Хуан цин чжи гун ту» как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 117–119.

Тарих-и Бадахшан (История Бадахшана). М.: Вост. лит., 1997. 400 с.

Терентьев-Катанский А. М. Иллюстрации к старинным китайским географическим сочинениям // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1969. Вып. VIII. География, этнография, история. С. 85–98.

Фухэн (傅恒) и др. Хуан Цин чжигун ту (黃清職貢圖 Изображение данников августейшей династии Цин), цз. 1, ксилографическое издание. б/м, б/г. (на кит. яз.).

Харитонов А. М. История изучения китайского ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та № 6 (183) «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Петрозаводск, 2019. С. 43–50.

Харитонов А. М. Изучение ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» в России и Европе // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 119–122.

Черевко М. В. Характер сведений о народах Юго-Восточной Азии в цинском альбоме «Хуан Цин чжигун ту» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 122–124.

Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб, 1852.

East India Company Factory Records: Sources from the British Library, London. URL: http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/east_india_company_factory_records_parts_1_and_2/Publishers-Note-Part-2.aspx (дата обращения 24.01.2021).

Leijh H. The Qing and their tributaries Qing perceptions of European and Steppe-peoples // *Ma Global and Colonial History*. Leiden University, 2019. P. 1–56.

Morse H. B. The chronicles of the East India company, trading to China 1635–1834. Oxford, 1926. Vol. 1. 209 p.

Popova I. A. Depictions of Tributaries of the August Qing (皇清職貢圖) and Hyacinth Bichurin's First Album // *East Asian Studies*, Kyoto: Rin-sen Book Co., 2014. 401–415 p.

Seth M. History of the Armenians in India. Calcutta, 1895. 198 p.

Theobald U. Huang Qing zhigong tu (皇清職貢圖). URL: <http://www.chinaknowledge.de/Literature/Science/huangqingzhigongtu.html> (дата обращения 24.01.2021).

Xi Yang Some possible Chinese records about Armenia and the Armenians in Mid-Qing Dynasty // *Iran and the Caucasus*. Vol. 13. № 2. Leiden: Brill, 2009. P. 229–237.

Yaliwanguo ren, Yaliwanguo yifu. URL <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550102713.item> (дата обращения 24.01.2021).

References

Arutiunian B. A. Iz istorii armiano-kitaiskikh otnoshenii [From history of Armenian-Chinese relations]. URL: http://www.armin.am/images/menus/2389/Babken_Harutyunyan_Arm_Kitay.pdf (accessed January 24, 2021) (In Russian).

East India Company Factory Records: Sources from the British Library, London. URL: http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/east_india_company_factory_records_parts_1_and_2/Publishers-Note-Part-2.aspx (accessed January 24, 2021).

Gezalov P. Shtandart Gusein-khana Irevanskogo i chetyrehugol'noe znamia Irevanskogo khanstva [Colour of Hussein-khan of Irevan and

quadrangular ensign of the Irevan Khanate] // *Geral'dika* [Heraldry], №6 (54), 2011. P. 28–29 (In Russian).

Gini R. Puteshestvie v Kitai Bento de Goisha i Isaaka Armianina [Travel to China of Bento de Gois and Isaac the Armenian] // *Vestnik armenovedeniia* [Journal of Armenian Study], №2 (8), Erevan, 2015. P. 196–227 (In Russian).

Kuznetsov V. S. Ekonomicheskaiia politika tsinskogo pravitel'stva v Sin'tsziane [Economical policy of Qing government in Xinjiang], M.: "Nauka" [Science], 1973. 182 p. (In Russian).

Lin Qiling (林頌玲) Shibing yu shengmu – Qinggung “Zhigong tu” suo “Chzhigun tu” so chensian chzhi Siian in'sian (士兵與聖母 – 清宮《職貢圖》所呈現之西洋印象 Voiny i sviatye – izobrazheniia evropeitsev po “Chzhigun tu” iz tsinskikh dvortsov) // *Guoli Taibei yishu daxue meishu yanjiusuo* (國立臺北藝術大學美術研究所 Issledovatel'skii institut iz-iashchnykh iskusstv Taibeiskogo gosudarstvennogo instituta zhivopisi), Taibei (臺北), vyp. 24, Yi yi fenzi (藝藝份子 razdel “Obsuzhdenie iskusstva”). P. 23–50 (In Chinese).

Lisevich I. S. Predisl. i komment.: Liu Sian. Zhizneopisaniia znamenitnykh zhenshchin [Foreword and comments: Liu Xiang. Biographies of Exemplary Women (Lienü Zhuan)]. Fragmenty. Per. s drevnekit. B. L. Riftina [Fragments. Translate from Old Chinese of B. L. Riftin] // *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of Far East], M., 1990, № 6. P. 150–167 (In Russian).

Maiatskii D. I. Traditsionalizm i novatorstvo: ksilograficheskii pamiatnik “Khuan tsin chzhi gun tu” i ego mesto v serii kitaiskikh al'bomov, posviashchennykh “dannikam” [Traditionalism and innovation: woodcut work “Huang Qing zhigong tu” and his place in the series of Chinese albums dedicated to “tributaries”] // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Africa]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 111–114.

Mironova T. S. Spetsifika antropologicheskogo i etnograficheskogo sodержaniia kitaiskogo ksilograficheskogo al'boma “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin” (XVIII v.) // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Africa]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 114–116.

Nalbandian A. V. Istoriia armianskoi diaspory v Kitae [History of Armenian diaspora in China] // *Molodaia Nauka* [Young Science], Piatigorsk:

izd-vo Piatigorskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Piatigorsk State University Publisher], ch. 18, 2016. P. 146–148 (In Russian).

Popova I. A. Depictions of Tributaries of the August Qing (皇清職貢圖) and Hyacinth Bichurin's First Album // East Asian Studies, Kyoto: Rin-sen Book Co., 2014. P. 401–415.

Samoilov N. A. Evoliutsiia predstavlenii o kitaiskom miroporiadke i dannicheskoi sistemy v epokhu Tsin [Evolution of the concept of Chinese world order and tributary system during the Qing dynasty] // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Africa]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 116–117 (In Russian).

Samoilov N. A., Maiatskii D. I. Kitaiskii istoriko-etnograficheskii pamiatnik “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin”: predystoriia sozdaniia i sotsiokul'turnoe znachenie [Chinese historical-ethnographic work “Portraits of Tributaries of ruling Qing dynasty”: prehistory of the creation and socio-cultural significance] // **Nauchnyi dialog** [Scientific dialogue], № 9, Ekaterinburg: OOO “Tsentr nauchnykh i obrazovatel'nykh proektov”, 2019. P. 437–455 (In Russian).

Seth M. History of the Armenians in India. Calcutta, 1895. 198 p.

Somkina N. A. “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin” (“Khuan Tsin chzhi gun tu”) kak istochnik svedenii o Tibete v XVIII veke [Portraits of Tributaries of ruling Qing dynasty (Huang Qing zhigong tu) as a source of information about Tibet in 18th century] // Rossiia – Kitai: Istoriia i kul'tura [Russia – China: History and Culture]. Sbornik statei i dokladov uchastnikov XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Collection of articles and reports of the participants of the 12th International Scientific and Practical Conference], Kazan': izdatel'stvo “Fen” Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2019. P. 450–459 (In Russian).

Somkina N. A. “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin” (“Khuan Tsin chzhi gun tu”) kak istochnik svedenii o Tsentral'noi Azii v XVIII veke, tsz. II [Portraits of Tributaries of ruling Qing dynasty (Huang Qing zhigong tu) as a source of information about Central Asia in the 18th century, juan II] // Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniia [Modern Oriental studies], Vol. 1, №4, Kazan, 2019. P. 85–107 (In Russian).

Somkina N. A. “Khuan tsin chzhi gun tu” kak istochnik svedenii o Tsentral'noi Azii v XVIII veke [“Huang Qing zhigong tu” as a source of informations about Central Asia in the 18th century] // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Af-

rica]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 117–119 (In Russian).

Tarikh-i Badakhshan (Istoriia Badakhshana) [Tarikh-i Badakhshan (History of Badakhshan), M.: “Vostochnaia literature” [Eastern literature], 1997. 400 p. (In Russian).

Terent'ev-Katanskii A. M. Illiustratsii k starinnym kitaiskim geograficheskim sochineniiam [Illustrations for old Chinese geographical works] // Strany i narody Vostoka [Countries and peoples of East], M.: “Nauka”, 1969, vyp. VIII “Geografiia, etnografiia, istoriia” [Geography, ethnography, history]. P. 85–98 (In Russian).

Fuheng (傅恒) and others. Huang Qing zhigong tu (皇清職貢圖 Portraits of Tributaries of the August Qing Dynasty), juan 1, woodcut edition, no date, no place. (In Chinese).

Kharitonova A. M. Istoriia izucheniiia kitaiskogo ksilograficheskogo pamiatnika “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin” [History of study of woodcut historical source “Huang Qing zhigong tu”] // Uchenye zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Scholarly notes of Petrozavodsk State University] №6 (183) “Istoriografiia, istochnikovedenie i metody istoricheskogo issledovaniia” [Historiography, research and methods of historical researchs], Petrozavodsk, 2019. P. 43–50 (In Russian).

Kharitonova A. M. Izuchenie ksilograficheskogo pamiatnika “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin' v Rossii i Evrope [Study of woodcut historical source “Huang Qing zhigong tu” in Russia and Europe] // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Africa]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 119–122 (In Russian).

Cherevko M. V. Kharakter svedenii o narodakh Iugo-Vostochnoi Azii v tsinskom al'bome “Khuan Tsin chzhigun tu” [Nature of informations about peoples of Southeast Asia in Qing album “Huang Qing zhigong tu”] // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Africa]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 122–124 (In Russian).

Chopin I. Istoricheskii pamiatnik sostoianiiia Armianskoi oblasti v epokhu ee prisoedineniia k Rossiiskoi imperii [Historical monument of the state of the Armenian region in the era of its accession to the Russian Empire]. SPb, 1852 (In Russian).

Wanguo laichao tu: "Zhigong tu" lidi gudai Zhongguo yu shize (万国来朝: 职贡图里的古代中国与世界 Court Reception of Ten Thousand Nations: from «Portraits of Tributaries» of old China and world), Beijing: Beijing shidai huawen shuju (北京: 北京时代华文书局), 2019. 441 p. (In Chinese).

Сведения об авторах

Пастухов Алексей Михайлович, Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

инженер лаборатории гуманитарных исследований

ORCID: 0000-0003-0151-1796. E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

Pastukhov Alexey Mihailovich, Novosibirsk State University (1, Pirogova Str., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Engineer of the Laboratory of Humanitarian Researches

ORCID: 0000-0003-0151-1796. E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

Лабарткава Александр (Джеляледдин) Муртазович, независимый исследователь, Тбилиси

E-mail: murghul12@gmail.com

Labartkava Alexandr (Jelaledin) Murtazovich, independent researcher, Tbilisi

E-mail: murghul12@gmail.com